

М. А. Колесникова

ТУРЕЦКИЙ ПОЯС АФРИКИ: ОТ ОСМАНСКОГО ПРОШЛОГО К ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ НАСТОЯЩЕГО

АННОТАЦИЯ. Историческая карта общего прошлого служит козырем в геополитической игре Турции за место под африканским солнцем в XXI столетии. Почти четырехсотлетний опыт турецкого присутствия в Африке (особенно в Северной Африке) дает Анкаре определенные преимущества на новом историческом витке «вхождения» на африканский континент. Позитивные аспекты феномена османо-африканских отношений активно используются турецкими правящими силами и сегодня при выстраивании диалога со странами континента. В определенной степени можно говорить об особой «османской модели», влияние которой заметно ощущается в современных турецко-африканских контактах. Способствует турецкому продвижению в Африке и грамотная этнополитическая стратегия, неотъемлемым элементом которой является взвешенный подход к формированию некоего «мусульманского единства» суннитов и шиитов, а также общее понимание гуманитарных угроз. Все это в совокупности приносит Анкаре значительные экономические и политические дивиденды. Провозгласив курс на построение многовекторной политики, Анкара с конца XX в. по настоящее время последовательно реализует принятую концепцию углубления и расширения своих связей со странами Африки, пользуясь при этом определенной поддержкой влиятельной африканской элиты во многих странах континента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Османская империя, Турция, Р. Т. Эрдоган, этнополитика, Партия справедливости и развития (ПСР)

УДК 327:316.7

DOI 10.31250/2618-8619-2018-1-40-47

КОЛЕСНИКОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший специалист по изучению региональных исламских коллекций, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: kolmaral-1710@mail.ru

Анализируя исторический аспект османского присутствия в Африке продолжительностью почти в четыре века, невольно приходишь к заключению о наличии некоего особого феномена османо-африканских отношений. Феномена, по нашему мнению, еще недостаточно изученного отечественной и зарубежной наукой. Крайне сложно говорить о бытующем в западной историо-

графии определении какого-то «турецкого колониаторства в Африке». Нам представляется, что, скорее всего, мы имеем дело с особым типом вассальной зависимости африканских государств от Османской империи с предоставлением им широких властных полномочий. Речь идет, прежде всего, о таких политических компонентах, как выборность высшей и местной администрации, ведение самостоятельной внешней политики, право содержать национальные воинские формирования, свобода вероисповедания и невмешательство в дела других конфессий.

Действительно, во всех своих африканских владениях турки практически сохранили местное самоуправление. Власть присланного наместника — турецкого паши — ограничивалась представительскими функциями и командованием направленного в страну янычарским корпусом. Фактически паша играл роль посредника между турецким султаном и местной знатью. Так, например, при Хайрадине и его преемниках в Алжире сложилась четкая военно-политическая организация, сохранявшаяся до начала XIX в. Назначаемые турецким султаном правители действовали самостоятельно, не считаясь порой с мнением назначенных пашей. Влияя на все регионы страны, они успешно взимали налоги, получая взамен из Стамбула необходимое вооружение и снаряжение. Примечательно, что степень доверия Стамбула к алжирским правителям была настолько высока, что им разрешалось заключать торговые договоры с такими странами, как Франция, Англия, Голландия, которые даже платили им ежегодную дань за мореходство своих судов. Немаловажным моментом был доход алжирцев от пиратства, включая работоторговлю. К XVIII в. Алжир фактически стал суверенным государством, символически признавая османского султана халифом и платя ему скромную дань.

Аналогичная система управления была и в Тунисе, где местные правители установили режим единоличной пожизненной власти, сведя роль османского паши до представительских функций. Янычарский корпус и корпорация корсаров Туниса, объединившись, с трудом контролировали отдаленные районы. Реальная власть находилась в руках у беев, которые управляли племенами и имели влияние на многотысячную колонию беженцев из Испании, пользовавшуюся самоуправлением. Восстановив династию Хусейнидов, Тунис самостоятельно заключал договоры с европейскими державами, имел свой флаг, герб, хотя и продолжал считаться османским эйялетом. Фактически выход из Османской империи привел к захвату Туниса Францией в 1881 г.

Впечатляюще выглядит предоставляемая автономия в экономической сфере: здесь необходимо отметить и доход от налогов в местную казну, и неограниченную внешнюю торговлю, включая доходы от морского пиратства, и поощрение развития местных ремесел. Османское завоевание сопровождалось коренной перестройкой аграрных отношений. Турки ликвидировали старые формы феодального землевладения; сельскохозяйственные земли, перешедшие государству, передавались крестьянам в наследственное пользование. Отменялись феодальные повинности крестьян в пользу должностных лиц. Справедливости ради следует заметить, что установление османской законности и порядка позволило остановить деградацию и обезлюдение сельскохозяйственных областей. Наблюдался даже известный рост сельскохозяйственного производства, увеличение численности сельского населения. Такое положение, однако, прекратилось в XVII в., когда на общественных землях стали возникать крупные феодальные хозяйства.

Характер взаимоотношений Стамбула со своими африканскими провинциями в течение столетий, безусловно, менялся. Однако в самых общих чертах можно выделить некоторые специфические аспекты османского владычества. Прежде всего, это военное присутствие янычар, нацеленное, в основном, на отражение внешнего врага и демонстрацию власти империи, благодаря чему многочисленные военные притязания других стран потерпели здесь поражение. Значительным фактором стало укрепление в местной мусульманской умме роли и значения халифата и султана Османской

империи как халифа. Наконец, создание мощных предпосылок для развития широкой сети торгово-промышленных связей африканцев, как со всеми регионами Османской империи, так и внутри самого африканского континента (своеобразный «турецко-африканский шелковый путь»).

Согласимся с убедительным выводом профессора Н. А. Иванова (2001), что результатом завоеваний стало отнюдь не военное превосходство турок, а тот факт, что победное продвижение османов шло под лозунгом «освобождения угнетенных и обездоленных», что притягивало к себе симпатии подавляющей массы местного населения.

Как справедливо отмечают многие исследователи, османы стремились представить себя в своих владениях в Африке как союзников местной знати и населения. Европейские колонизаторы, напротив, как известно, всячески пытались утверждать себя законным гегемоном и правителем. Вполне понятно, что распад Османской империи повлек за собой уход из-под ее влияния африканских стран. Вместе с тем стратегия и тактика, которые использовали османы в Африке, оставили заметный след в социально-политической структуре этих государств, что заметно ощущается в их нынешних контактах с современной Турцией.

В XXI в. между ведущими мировыми экономиками разворачивается «новая схватка за Африку», которая, по меткому замечанию заместителя директора Института Африки РАН Д. М. Бондаренко, имеет три ключевых отличия. Первые два связаны со спецификой игроков на африканском поле: в постбиполярную эпоху их число значительно увеличилось, а в качественном отношении они представляют несравнимо большее культурно-цивилизационное разнообразие (от Бразилии до Казахстана, от Украины до Японии). Эти новые тенденции предоставляют африканским государствам значительные возможности по диверсификации их внешнеторговых связей и повышают их тактическую маневренность при выстраивании политического диалога на международной арене. Таким образом, третьей отличительной чертой является возрастающая роль стран Африки в мировой политике, что выражается в повышении их способности «отстаивать — по отдельности и коллективно, через региональные и panaфриканские организации — собственные интересы в отношениях с неафриканскими государствами, а не оставаться в основном лишь объектами чужой борьбы» (Новые партнеры Африки... 2016: 7).

С учетом значительного геоэкономического и геополитического потенциала Африки в условиях трансформирующихся мирополитических реалий не удивительно, что старые и новые акторы на международной арене все с большей интенсивностью вовлекаются в борьбу за континент. Помимо экономических целей, связанных с получением доступа к ресурсным богатствам Африки и выходом на новые быстрорастущие рынки потребления товаров и услуг, важную роль играют и политические мотивы ввиду того, что государства региона составляют значительную часть членов ООН и многих других международных организаций. Поддержка африканских государств является важным стратегическим инструментом в дипломатическом арсенале ведущих игроков, которые стремятся внести свой вклад в процесс перестройки архитектуры глобального управления и перераспределения баланса сил в мире.

Что касается современной Турции, то, несмотря на то что первые попытки «вхождения» в Африку после Второй мировой войны были предприняты ею в 1950-е гг., концептуально африканский вектор турецкой политики начал системно разрабатываться только с приходом к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г., при этом османское прошлое играет центральную роль в выстраивании диалога с континентом.

В первую очередь, Анкара стремится акцентировать внимание на «позитивных аспектах общего османского прошлого», выступая при этом с жесткой антизападной риторикой, осуждающей

«колонизаторский исторический багаж» ведущих мировых держав и их стремление к насильственной вестернизации в контексте глобализационных процессов. Турция преподносится как наследница лучших традиций Великой Порты, продолжающая политику миролюбия и равноправного партнерства. Так, в программном документе правящей партии «Политическое видение Партии справедливости и развития до 2023 года. Политика, общество и мир» прописано, что чрезвычайно важно использовать «историческое прошлое и переносить его в рамки контекста нынешних реалий глобальной политики, а также углублять партнерство посредством реализации конкретных проектов». В отношении Африки особо подчеркивается, что она «стала краеугольным камнем нашей глобальной внешней политики» (Political Vision... 2012).

Не меньшее значение в турецкой стратегии на африканском континенте имеет тактика разыгрывания карты религиозной и культурной общности. Недаром во время визитов в страны Африки в 2014–2018 гг. Р. Т. Эрдоган неоднократно в своем обращении к народам континента апеллировал к понятию «братья». «Мы хотим шагать вместе с Африкой, пока формируется новый мировой порядок... Мы любим Африку и наших африканских братьев, и мы свободны от предрассудков» (Erdogan emphasizes... 2018), — отметил турецкий лидер по итогам африканского турне, которое он совершил в феврале-марте 2018 г.¹ Показательно, что риторика о религиозно-культурном единстве звучит и из уст других проводников турецкой политики в Африке. В частности, глава Управления Турции по делам религии (Диянет) Мехмет Гёрмез на встрече с делегацией из Ботсваны заявил: «Африка — это географический регион, где были сформированы величайшие исламские цивилизации. Исламское миропонимание открыло Африке путь к величайшим достижениям» (President of Diyanet... 2016).

Необходимо отметить, что Диянет служит важным инструментом реализации конфессиональной политики Турции на континенте. В первую очередь, данная структура играет активную роль в подготовке для Африки исламских священнослужителей. Обладая значительным финансовым потенциалом и организационными возможностями, Диянет планирует расширять свое присутствие в африканских странах, увеличивать количество грантов по образовательной программе исламской теологии для африканских студентов и содействовать расширению на африканском континенте сети школ наподобие турецких имам-хатиб, в которых, наряду с предметами, изучаемыми в государственных средних учебных заведениях, преподается ислам и осуществляется подготовка имамов (Мосаки 2013). Другим направлением деятельности Управления Турции по делам религии является проведение саммитов, в которых участвуют известные исламские деятели Турции и мусульманские лидеры государств Африки. Помимо этого, активизируется взаимодействие по линии установления механизма двусторонних консультаций. Показательным моментом является то, что только за последний год делегации из африканских стран посетили офис Управления Турции по делам религии 10 раз.

В последние годы в сфере межконфессионального сотрудничества наращивают свою активность и турецкие НПО, инициируя создание кюллие (комплексы, включающие в себя мечеть и окружающие ее здания социального, религиозного и торгового назначения), традиция существования которых относится к периоду Османской империи. Показательным примером на данном направлении служит проект организации Джансуу (Cansuyu), нацеленный на конструирование таких «социально значимых комплексов» в четырех странах континента — Мали, Чаде, Камеруне и Того. «Когда работы по их строительству будут завершены, наши африканские братья получат

¹ В программу визита вошли Алжир, Мавритания, Сенегал и Мали.

важнейшие центры для проведения религиозной и образовательной деятельности» (Cansuyu runs... 2017), — отмечает М. Джейлан, представитель данной организации, ответственный за работы в Мали.

Примечательно, что, несмотря на расширяющуюся турецкую активность в сфере религиозных контактов, некоторые представители правящих элит Африки склонны положительно оценивать такую деятельность. Так, министр иностранных дел Республики Конго Жан-Клод Гакоссо в интервью автору данной статьи отметил, что страх перед турецким прозелитизмом абсолютно беспочвен, а идея о насильственном насаждении собственной турецкой модели ислама является мифом. «Уверен, это не входит в планы Турции. Это древняя цивилизация с богатейшей историей, сотрудничество с которой невероятно интересно (в первую очередь, с экономической точки зрения) и перспективно»,² — заявил Ж.-К. Гакоссо.

В отличие от бывших метрополий, опирающихся в своих отношениях со странами континента на связи, сохранившиеся с колониальных времен, турецкое руководство в Африке широко использует тезис «общности судеб и задач» всех развивающихся стран. При этом турецкое руководство постоянно подчеркивает, что в отличие от США, которым чужды интересы африканских стран, Турция, будучи сама развивающейся страной, солидарна с ними по многим вопросам мировой политики, и в первую очередь это касается проблематики терроризма и возможностей противостояния данной угрозе.

Проблема терроризма стала одной из основных тем выступлений Р. Т. Эрдогана во время его поездки по странам Западной Африки в 2016 г. (особенно в Нигерии и Гвинее), и, по словам турецкого лидера, она имеет два измерения. Первое — неправомерность объединения ислама и терроризма («ислам — это всегда мир. А терроризм не имеет ни религии, ни национальности — это общая беда для всех») (Turkey's opening... 2016). Турецкий президент в своих выступлениях неизменно отмечает, что ислам — это религия мира, а также подчеркивает разницу между исламом и исламизмом, объясняя тем самым, почему ведет борьбу с терроризмом и экстремизмом. Вторым измерением этой проблемы стало апеллирование к идее, что именно Турция должна стать ключевым партнером африканских государств в этой борьбе. Данный тезис аргументирован турецким президентом «нейтральным политическим интересом Турции на африканском континенте», «особыми историческими и культурными связями Турции с Африкой», а также турецким опытом в борьбе с террористической активностью (Cetingulec 2016).

Такое внимание к проблеме терроризма со стороны политического руководства Турции не случайно ввиду наличия на континенте широкой сети турецких учебных заведений, которая была создана на средства «мусульманского Сороса», известного проповедника Ф. Гюлена. В последнее время Р. Т. Эрдоганом развернута мощная кампания против движения Ф. Гюлена «Хизмет» (в официальном дискурсе он и его сторонники причисляются к террористической организации последователей Фетхуллага ФЕТО (FETÖ) — Fethullahçı Terör Örgütü), а сам он объявлен преступником и организатором попытки государственного переворота в июле 2016 г. В этой связи турецкий лидер стремится перенести борьбу со своим идейным противником и на африканский континент, инициируя комплекс мероприятий по закрытию турецких школ, связанных с его движением. Этот призыв был принят на практическое вооружение в ряде стран (Turkey seeks... 2017). Так, в феврале 2017 г. президент Эфиопии Мулату Тешоме Вирту посетил Турцию с официальным визитом и в ходе совместной пресс-конференции с турецким президентом Р. Т. Эрдоганом выразил свою

² Интервью с министром иностранных дел Республики Конго Ж.-К. Гакоссо от 07.11.2017 г., Санкт-Петербург.

поддержку турецкой борьбе против терроризма, осудив попытку переворота 15 июля. Он также заявил о том, что все образовательные организации, связанные с движением Ф. Гюлена, будут переведены под контроль турецкого образовательного фонда Маариф. Во время африканского тура (Судан, Чад, Тунис) в декабре 2017 г. Р. Т. Эрдоган заявил на пресс-конференции о том, что уже «спасены от ФЕТО» 75 школ в десяти странах (Гвинея, Сомали, Судан, Конго, Мали, Мавритания, Нигер, Тунис, Сенегал, Чад), а также отдельно был выделен Сомалиленд. Всего же, по словам турецкого лидера, школы Ф. Гюлена закрепились в 36 странах континента, и турецкой стороной будут прилагаться дипломатические усилия и в дальнейшем для перевода оставшихся школ в ведение фонда Маариф, который призван стать центральным образовательным институтом в культурной политике Турции на континенте, главным инструментом конструирования единой религиозно-культурной идентичности.

Можно утверждать, что стержневой задачей Турции на африканском треке становится расширение географического охвата посредством упрочения межцивилизационного сотрудничества. Нарастив свое присутствие на континенте, Анкара ориентируется на идеи демократии и прав человека, а также исламские постулаты морали, миролюбия, которые не вступали бы в противоречие с другими религиями. Желание выступать в качестве партнера всего континента выражается в заявлениях о готовности вести диалог не только с мусульманскими странами, но и с теми, в которых большинство составляет христианское население (например, Эфиопия), а также «неблагополучными» странами, которые, как принято считать, представляют собой угрозу стабильности на континенте (например, Сомали). Такой подход подтверждает тезис Анкары об инклюзивности своей внешней политики, лишенной дискриминационного начала. Позиционируя себя в качестве своеобразного моста, связывающего Африку и Евразию, балансируя между евроатлантической, евразийской и традиционно-турецкой компонентами, Турция предпринимает шаги по внедрению всех этих ценностей в сегодняшнюю африканскую действительность.

Анкара активно использует гуманитарную сферу для расширения и закрепления своего влияния в Африке. Можно с достаточной долей уверенности резюмировать, что избранный турецкой стороной формат взаимодействия «государство-государство», «государство-человек», «человек-человек», не только способствует укреплению двусторонних и многосторонних отношений Турецкой Республики с этим континентом, но и эффективно создает образ Турции как друга простых африканцев.

Вместе с тем, несмотря на появляющиеся центры по изучению Африки при образовательных и исследовательских учреждениях Турции, по-прежнему наблюдается нехватка специалистов-историков, культурологов, филологов, антропологов, что может стать значительным препятствием на пути дальнейшего расширения турецкого присутствия на континенте и осложнить диалог с народами Африки.

Анализируя формы и методы присутствия Турции в Африке на современном этапе, можно выделить, на наш взгляд, существование некоторой этнополитической парадигмы. Поскольку с приходом к власти Партии справедливости и развития во главе с Р. Т. Эрдоганом был объявлен курс на обобщение опыта османского владычества в Африке (когда удавалось столетиями проводить политику османов среди разных этносов), реальные политические шаги Анкары в этом направлении демонстрируют на сегодняшний день более или менее успешную реализацию неоосманской идеи. Это дает нам некоторые основания уверенно говорить о появлении некой новой этнополитической парадигмы, используемой руководством Турецкой Республики на африканском континенте, что,

безусловно, требует отдельного рассмотрения как с исторической, так и с внешнеполитической точки зрения. Суть ее заключается, как нам представляется, в новом витке появления турок на африканском континенте. Здесь, безусловно, учитывается огромный исторический опыт, накопленный за период существования Османской империи. Не случайно вслед за Р. Т. Эрдоганом практически все представители турецких властных структур акцентируют внимание на том, что Турция исторически призвана быть ключевым партнером африканских государств по всем направлениям, при этом в качестве одного из приоритетных выделяется борьба с международным терроризмом и экстремизмом.

В целом можно прогнозировать дальнейшее упрочение африканского вектора во внешней политике Анкары, учитывая возрастающий контроль над ним со стороны правящей элиты и лично президента Р. Т. Эрдогана. Такая тактика вполне вписывается в концепцию неоосманистских взглядов политического истеблишмента Турции, особенно проявляющихся на фоне педалирования тезиса об ответственности Анкары за судьбу региона и необходимости формирования «единого регионального сознания».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Иванов Н. А. Османское завоевание арабских стран. М.: Восточная литература, 2001. 287 с.

Мосаки Н. З. Образовательная экспансия Турции в Африке // Вопросы образования. 2013. № 2. URL: http://vo.hse.ru/arhiv.aspx?catid=252&z=1869&t_no=1870&ob_no=1874 (дата обращения: 14.04.2018).

Новые партнеры Африки: влияние на рост и развитие стран континента. М.: Институт Африки РАН, 2016. 214 с.

Cansuyu Runs to the Help of Africa // Cansuyu. URL: <http://cansuyu.org.tr/en/news/713/cansuyu-runs-to-the-help-of-africa> (accessed: 14.04.2018).

Cetingulec Mehmet. Will Africa Cheer up Turkey's Troubled Exporters? // Al Monitor. 2016. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/03/turkey-africa-troubled-exporters.html> (accessed: 14.04.2018).

Erdogan Emphasizes Cooperation With Africa After 5-Day-Tour. 03.03.2018 // Daily Sabah. URL: <https://www.dailysabah.com/diplomacy/2018/03/03/erdogan-emphasizes-cooperation-with-africa-after-5-day-tour> (accessed: 14.04.2018).

Political Vision of AK Parti 2023. Politics, Society and the World // AK Parti. URL: https://www.ak-parti.org.tr/english/akparti/2023-political-vision#bolum_ (accessed: 14.04.2018).

President of Diyanet Görmez Received the Chief Mufti of Botswana Abdurrahman Shariff. 03.05.2016 // Diyanet. URL: <https://www.diyanet.gov.tr/en-US/Institutional/Detail/2047/president-of-diyanet-gorme-receives-chief-mufti-of-botswana-shariff> (accessed: 14.04.2018).

Turkey Seeks Magufuli's Help in Closing Gulen-Linked Schools // The East African. 2017. URL: <http://www.theeastafrican.co.ke/news/Turkey-Erdogan-Tanzania-Gulen-schools/2558-3786738-ycwfh/index.html> (accessed: 14.04.2018).

Turkey's Opening to Africa not a Tool of Unilateral Win // News. Presidency of the Republic of Turkey. 2016. URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/40010/turkeys-opening-to-africa-not-a-tool-of-unilateral-win.html> (accessed: 14.04.2018).

TURKISH BELT OF AFRICA: FROM THE OTTOMAN PAST TO THE ETHNOPOLITICAL PARADIGM OF THE PRESENT

ABSTRACT. The common past serves as a trump card in Turkey's geopolitical game for a place under the African sun in the 21st century. The historical background of Turkish presence in Africa, that lasted almost four hundred years, gives Ankara certain advantages on the new historical stage of "penetration" into the African continent. The positive aspects of the phenomenon of the Ottoman-African relations are actively used by the Turkish officials even today in order to set up a solid relationship with the countries of the continent. To a certain extent, one can speak of a special "Ottoman model". Its influence is noticeably traced in modern Turkish-African contacts. A proper ethno-political strategy also strengthens the Turkish position in Africa. An integral element of this strategy is the balanced approach to the formation of some "Muslim unity" of Sunnis and Shiites, as well as the aspiration to shape a common understanding of humanitarian threats. All this brings significant economic and political dividends to Ankara. Having proclaimed a course on building a multi-vector policy, Turkey has been consistently implementing the adopted foreign policy concept of deepening and expanding its ties with African countries from the end of the 20th century until today. At the same time, its efforts are regularly supported by the representatives of influential elites in many countries of the continent.

KEYWORDS: Ottoman Empire, Turkey, R. T. Erdogan, ethno-politics, Justice and Development Party

MARIA A. KOLESNIKOVA — Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: kolmaral-1710@mail.ru